Новая газета. 15–17 июля 2002 г. – с. 23

ГДЕ ТО, РАДИ ЧЕГО, НЕСМОТРЯ НИ НА ЧТО?

Четыре года назад «Документальный театр» был маленьким семинарским проектом, организованным при поддержке института «Открытое общество» и лондонского театра «Ройял Корт». Проект возглавила и с тех пор не покидает драматург Елена Гремина. Сегодня, когда российская драма, преодолев период маргинальности, переживает всплеск популярности, скромный греминский проект под новым названием «Teatp.doc» арендовал полуподвальное помещение в Трехпрудном переулке с импровизированной сценой. Интерес к тому, что на ней происходит, очень большой.

Это не коммерческий проект, здесь ничего не берут за право поиграть на сцене. «Называйте, как хотите. Клуб по интересам, общественное движение, театральная мастерская», – говорит Гремина, при чьем непосредственном участии в Москве не так давно удачно прошел фестиваль «Новая драма».

Елена не афиширует своих функций театральной матери Терезы для начинающих актеров, режиссеров и драматургов. Это и так все знают. А вот про новую драму, о которой так много все говорят, «мы знаем очень мало, но обязательно должны знать больше»...

Елена ГРЕМИНА:

В театре сегодня побеждают высшие ценности плюс оперативный менеджмент

– Вы довольны фестивалем «Новая драма»?

— Он прошел в первый раз, случился и получился. Организации-учредители,— а это ассоциация «Золотая маска», МХАТ имени Чехова и центр «Документальная сцена»,— решили проводить его и в дальнейшем.

Москвичи «Новую драму» приняли очень хорошо. Камергерский переулок стал фестивальным центром, была своя фестивальная толпа, в основном состоящая из молодежи, во МХАТе были заняты все три сцены – Основная, Новая и Малая. Получилась очень хорошая московская летняя история.

Сама идея такого фестиваля принадлежит директору «Золотой маски» Эдуарду Боякову. Но это независимый, инновационный, слегка безумный проект, объединяющий молодежь из разных городов.

Мы существуем как общественное движение – почти без денег и с амбициозными идеями.

— Чем вы можете объяснить сегодняшний интерес к новому слову в театре?

— Последний раз драматургический бум у нас в стране случился в период перестройки по поводу запрещенных до этого западных пьес шестидесятых годов — Беккет, Ионеско, Кольтес. Уже тогда российская драматургия перестала влиять на театральный процесс. Сейчас разные люди говорят о драматургическом дефиците и пытаются его восполнить. Процесс идет активно, но еще не так, как в Европе. На Эдинбургском фестивале, например, 70—80% всех спектаклей поставлены по современным пьесам.

— Вы отслеживаете ситуацию, читаете пьесы уже много лет подряд, участвовали в создании драматургического фестиваля «Любимовка». Можете что-нибудь сказать об изменении сознания драматурга? И каков процент качественных текстов?

— Пьес на конкурс «Фестиваля молодой драматургии» (в этом году он проходил в рамках фестиваля «Новая драма» при поддержке Комитета по культуре правительства Москвы) прислано было много, и средний уровень, на мой взгляд, очень вырос. Одна из тенденций – много реалистических пьес «про жизнь». «Вот я, дорогие зрители, а вот как это все началось и что с нами дальше случилось». Это старый прием средневекового театра, но он по-прежнему работает и всегда вовлекает зрителя в диалог со сценой.

Вторая тенденция – обращение драматургии завтрашнего дня (ведь это свеженаписанные пьесы, и поставлены они будут – если будут – в следующих сезонах) к важнейшим проблемам – смерть, религия и вера, экзистенциальный выбор. В пьесе Максима Курочкина герой спускается в ад, чтобы навестить умершего отца. Две пьесы Родиона Белецкого очень интересные. Одна, «Забавное богоискательство», – актуальная история об отношениях современного молодого человека и религии, о том, как юноша пытается воцерковиться. Вторая, «Разговор, которого не было», — тоже о вечных вещах, дружбе, смерти. Очень интересная пьеса двух авторов из Костромы Владимира Забалуева и Алексея Зензинова «Время Я».

— А как тогда объяснить такой парадокс: в номинации «Новой драмы» «Лучшая пьеса» победил «Облом off» Михаила Угарова. Текст иронич-ный, больной, современный, но в основе — Гончаров.

— «Облом off», «Анна Каренина-2» — это одна из тенденций новой драмы. Есть другие, есть техника документального театра «вербатим». Одна пьеса, представленная на фестивале «Новая драма» в конкурсной программе, была сделана по модели расшифрованного интервью с реальными людьми («Угольный бассейн» театра «Ложа»), составленного из диалогов кемеровских шахтеров.

На фестивале были показаны «Преступления страсти» Галины Синькиной. Синькина была в нашей театральной группе, которая выезжала в женскую колонию № 6 строгого режима. Там, в колонии, есть психотерапевтический театр, который работает с заключенными под началом психолога Галины Рословой. Там родилась несколько проектов.

— Как вы узнали о том, что в колонии есть психотерапевтический театр?

— Нас познакомила в институте «Открытое общество» координатор программы «Культура» Елена Зеленцова.

Галина Рослова — девушка двадцати четырех лет, выпускница Орловского пединститута, врач-психолог в колонии № 6 и источник позитивной энергии там. Психотерапевтический театр в колонии – это ее инициатива.

Из этого знакомства возникли два интересных проекта – литературный семинар по драматургии среди женщин-заключенных, который наши драматурги там провели (пьеса «Мой голубой друг» женщины-заключенной Екатерины Ковалевой, прочитанная на фестивале Ингеборге Дапкунайте, – один из результатов семинара). И два проекта «Документального театра» — «Преступления страсти» Галины Синькиной и «Я дочь своей матери» Екатерины Нарши и Аглаи Романовской. Интерес ко всем этим начинаниям очень велик. В августе в нашем «Театр.doc» Галина Синькина выпускает премьеру — «Преступления страсти».

— Бестактный вопрос. Как вы делите теперь драматургов с «Центром Рощина и Казанцева», ведь они первые начали работать в Москве как открытая сценическая площадка?

— Мы не конкурируем, а сотрудничаем. Мы пытаемся в своей работе отрицать «вертикальные» взаимоотношения – конкуренция, соревнование «эго», кто выше и лучше и др. Когда у нас получается следовать этому, мы сильны. Часто бывало так, что проекты, инициированные нами, потом, к нашей радости, развивались в Центре драматургии и режиссуры.

Сейчас у нас после фестиваля «Новая драма» несколько проектов, связанных с новыми пьесами, обнародованными в программе читок. Какие-то из них захочет принять к постановке МХАТ, какие-то – Центр драматургии и режиссуры. А для того, что окажется слишком радикальным или слишком необычным, у нас есть свои скромные ресурсы — «Teatp.doc».

Может быть, в этом сезоне сделаем с Центром драматургии копродукцию. Режиссер Ольга Субботина, текст Александра Железцова «Красной ниткой». Будет петь русские песни отличная актриса Ольга Лапшина плюс панк-квартет Владимира Панкова – такой драматургически-музыкальный проект. Где показывать – решим.

— Как вы думаете, будет продолжаться экспансия новой драмы в России в ближайшие годы?

— Я думаю, новая драматургия займет ровно то место, которое сможет занять.

— Насколько велик интерес к русской драме за границей?

— Скажем так: он есть.

С лондонским театром «Ройял Корт» мы продолжаем активно сотрудничать. Они были первыми, кто серьезно заинтересовался тем, что происходит с современными пьесами в России.

Европейская драматургия — такая разная, и мы так мало о ней знаем. Большинству знакомы имена Марка Равенхилла и Сары Кейн. И все. А есть, например, пьеса Кэрил Черчилль «Далеко», где через метафору раскрыты жгучие социальные реалии – война, жестокость, геноцид. Или ее документальная пьеса «Серьезные деньги» — о лондонской бирже — в жанре средневековой мистерии. Там фигурируют охотники и рыцарь на белом коне – как видите, опознавательные знаки у этого английского автора отличаются от тех, по которым уже привыкли маркировать английскую драму. Мы так мало знаем, и мы обязательно должны знать больше!

— Мы мало переводим друг друга?

— Успешные спектакли по тому же Равенхиллу, сделанные Ольгой Субботиной и Кириллом Серебренниковым, являются лучшим стимулом и для того, чтобы переводчики что-то делали. Татьяна Могилевская очень успешно занимается российско-французским проектом: более десяти русских пьес переведены и успешно идут во Франции. Это как раз поколение тридцатилетних – Курочкин, Гришковец, Драгунская, Вадим Леванов.

— Что сегодня заставляет людей писать пьесы, а не заниматься игрой на бирже, например?

— Действительно, что? *(Улыбается.)*

Вот важная вещь. *На глазах развились структуры независимых театров.* По итогам фестиваля «Новая драма» призы получили именно они – Центр драматургии и режиссуры, театр «Особняк», театр «АпАрте». *Сегодня в секторе новой драмы побеждают группа творческих единомышленников плюс оперативный менеджмент, пусть даже это менеджмент дилетантов.* Алексей Казанцев – он в первую очередь драматург, писатель, творческий человек, а создал Центр, сделал такое дело, с которым группа менеджеров могла бы не справиться. Потому что вокруг него собралась команда людей, которые понимают, что они делают, зачем они это делают, и хотят это понимать.

Питерский театр «Особняк»... Я слежу за ним уже лет шесть. Я помню, был момент, многие из его артистов ушли из академических театров, днем работали дворниками, играли вечерами в «Особняке» то, что они хотели и как они хотели.

Кемеровский театр «Ложа», челябинская мастерская «Бабы»... Люди работают на чрезвычайно высоком уровне, имея так мало материальных ресурсов, — проблемы с помещением, с финансированием. Почему независимые театры не только выживают но и зачастую добиваются впечатляющих творческих результатов? Потому что это не просто организация с вешалкой и бухгалтерией — здесь группа единомышленников, люди готовы стоять насмерть, чтобы жил их театр. «Где то, ради чего, несмотря ни на что?» (цитата из пьесы Екатерины Нарши). В этих независимых театрах (как, я надеюсь, и у нас в «Театре.doc») люди осознают это «то, ради чего».

— Какова сила слова в театре сегодня?

— Очень большая. Особенно на камерных площадках. И никакой пластический и невербальный театр этого не заменит. В нашем крохотном «Театре.doc» я просто сама вижу, как люди остро воспринимают именно слова, сказанные им, близко от них. Своего рода телевизионный «крупный план». Возникает момент настоящей связи с публикой. И это и есть сущность театра.

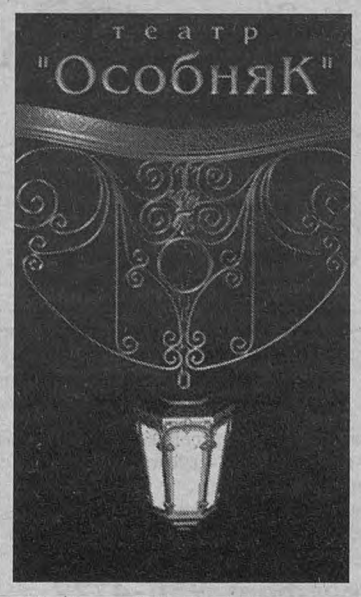
На документальном спектакле Галины Синькиной «Преступления страсти» (о женщинах-заключенных, совершивших преступления из-за любви) зрительница настолько отождествила артистку с персонажем, что закричала: «Как ты можешь так делать, где твои дети, ты забыла, что у тебя есть дети?»

И вышла из зала вне себя, хлопнув дверью. Театр должен возбуждать сильные чувства.

● Екатерина ВАСЕНИНА

«Пластилин»

«Облом off» (репетиция). Обломов — Владимир Скворцов, Штольц — Анатолий Белый



Новая драма займет в России ровно то место, которое сможет занять

Гремина Елена 15.07.2002